

УДК 930.85+82(091) (История культуры (общие вопросы). История литературы)

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ В МИРЕ ЖИТЕЛЯ ПРОВИНЦИИ В ДРАМЕ И РОМАНЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

© 2017 Л.Г.Тютелова

Тютелова Лариса Геннадьевна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью.
E-mail: largenn@mail.ru

Самарский университет. Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

Конец XX века в России – время решения вопроса о советском наследии. Часто именно с его помощью человек рубежной эпохи стремится выразить свое собственное неустойчивое положение в переходных исторических процессах. Рушится мир, который совсем недавно казался незыблемым, от которого многие пытались тайно или явно дистанцироваться, чтобы обозначить границы собственной индивидуальности, и который вдруг оказывается неотъемлемой частью человека. Становясь героем отечественной прозы и драмы рубежа веков, человек переходного времени оказывается явлен читателю посредством образа, названного современным драматургом Н.Колядой МОИМИРОМ. Для литературы конца XX – начала XXI века – это преимущественно мир города, прошедшего долгий эволюционный путь: «...от города как ландшафта в эпоху Возрождения, через город как мир (пространство бытия, аналог универсума) в эпоху Романтизма, – к городу как тексту, – художественно преобразованному пространству, результату переживания города в художественном сознании модернистов» [1, с.35]. Он «становится подлинным объектом напряженного, порой эстетического переживания» [1], вбирает в себя приметы реального города, размыкает свои границы, свидетельствует о сознании, его воспринимающем и присваивающем себе, объединяющем несколько временных планов. В первую очередь – прошлое и настоящее. *Заключение.* По свидетельству современных авторов, как бы порой ни хотелось убежать из настоящего, этого сделать невозможно, как невозможно забыть прошлое. Все прожитое остается с человеком, и без этого прожитого личности нет, как нет и города без его исторической памяти. Поэтому советские годы, несмотря на стремление изменить имена городов, улиц, парков, лишить нас прошлого, не стерли черты дореволюционных городов, а современность не может лишить нас воспоминаний о трагическом XX веке.

Ключевые слова: прошлое и настоящее сосуществуют, создавая неповторимый облик человека и времени.

Прошлое оживает благодаря детским воспоминаниям советского времени. Мимо взгляда ребенка не проходят мелкие бытовые детали, позволяющие художникам развернуть образ города детства, в который из настоящего героев уводит память. Детали могут быть разными: лепнина и высокие потолки, дверь в подъезд или, например, дверной звонок, о котором вспоминают герои пьесы В.Леванова «Отель “Калифорния”»: «Я помню, у нас на двери был звонок механический, который нужно было поворачивать, как заводную игрушку, за такую штучку, крутишь ее, и раздаётся треньканье» [2]. Эти звонки – связующая нить нескольких времен, как в романе Д.Рубиной «Синдром Петрушки»: «Звонок тоже был старый, Петя отлично его помнил: черная кнопка – сколько жмешь, столько и длится непрерывный пронзительный трезвон. Гости пугались и советовали поменять – есть же нежные мелодии, “Подмосковные вечера”, например. Тетка отвечала: “Чего его менять, он никогда не ломался”» [3, с.73].

Детали, сохраненные памятью, не позволяют современным авторам детализировать мир про-

шлого. Город XX века – результат, если верить О.Шпенглеру, перехода от стадии культуры к стадии цивилизации. В нем человек оторван от родовых корней, а потому одинок и потерян. Вместо нашего мира он создает свой – МОИМИР. Но в нем, как проявление противоречий современной культуры, в центре оказывается ДОМ, являющий собой аксиологический код прошлой культуры, противопоставленной культуре середины XX века.

Дом советского человека чрезвычайно мал. Это уже не дом чеховских Прозоровых, многоэтажный, многокомнатный, со своим пространством, куда не разрешен вход остальным, и общим домом, собирающим вокруг стола хозяев, их постояльцев, знакомых, соседей (если с ними случилась беда). Он открыт и замкнут одновременно, он динамичен, органично включен в природное пространство.

Так, дом в воспоминаниях Л.Петрушевской «Маленькая девочка из “Метрополя”» – это мир комнаты, за порогом которой начинается война. Уродливые отношения порождены уродливым

пространством. Большие квартиры разделены на нелепые клетки, в которых человек и пытается создать настоящий Дом. Случай, воспроизведенный Л.Петрушевской, не единственный. Героиня романа Д.Рубиной «Синдром Петрушки» живет в особняке с мансардой, пережившем несколько эпох: «То, что когда-то дом принадлежал одному владельцу, видно было по разномастным входным дверям, прорубленным в самых неподходящих местах фасада. И только дверь теткойной квартиры – очень высокая и массивная, с благородной резьбой, с годами почти исчезнувшей под слоями краски, – была та самая, с прошлого времени; такой и надлежало быть парадной двери особняка конца XIX века» [3, с. 72–73].

Еще одним локусом МОЕГОМИРА является двор. Но и там продолжается борьба за выживание. И в ней побеждают самые отчаянные люди, смелые, не терпящие ничьего вмешательства в свои дела и планы. Герой, например, пьесы В.Леванова «Отель “Калифорния”» вспоминает жизнь в городском дворе: «Мне там нос сломали! На катке. Однозначно! (Смеется.) Коньками. Тогда были такие локальные войны двор – на двор, район – на район...» [2].

Желание быть свободным выводит детей на улицы города. И авторская память сохраняет названия улиц, площадей и парков. Например, Л.Петрушевская вспоминает, как, рискуя жизнью, выбиралась из своей комнаты через балкон и шаткую пожарную лестницу, как взбиралась на крышу пристройки Дома офицеров – вполне реального здания, которое до сих пор расположено в центре старой Самары.

Интересно, что память ребенка сохраняет то, что остается почти неизменным и в современном городе. Так, в пьесе В.Леванова «Отель “Калифорния”» появляется куйбышевский пейзаж, который и сейчас можно увидеть в «старой» Самаре. Левановский герой, напоминающий чеховского Чебутыкина из «Трех сестер», признается: «...зима была лютая, громадные сугробы и темнота, она снимала комнату в каких-то курмышках, там стояли только покосившиеся деревянные домишки в один-два этажа...» [2].

Но несмотря на все непривлекательные черты, город – неизменный и изменившийся – для его жителя – МИР, где воспоминания раздвигают рамки настоящего, и возникает совершенно удивительный образ, как, например, у Рубиной: «...купеческая Самара казалась мягкой и извилисто-женственной: тянулась, как кошка, вдоль реки, привалясь к ее боку. Ему нравились крутые

спуски к Волге, такой широкой в этих местах, что дальний берег казался голубым, расплывался и туманно зависал на границе с небом; нравились широкие тротуары, обсаженные деревьями, симпатичные бабульки с петрушкой и укропом на газетке и яблоками особых волжских сортов в ведрах и тазах; нравились ротонды с шипучими напитками на набережной и сохранившиеся в центре миллионного города домики в три окошка, с водопроводными колонками у ворот и фруктовыми садами за забором, откуда разносился бодрый собачий лай» [3, с.72].

Ностальгическое настроение героев, погружающее их в прошлое, заставляет острее чувствовать перемены, происходящие в настоящем: «Ли-за сидела за его спиной, молча разглядывая унылые, заваленные снегом поля и дачные массивы, да рекламные щиты вдоль дороги, предлагавшие совершенно ненужные в человеческом быту вещи: какой-то пропилен, минеральные удобрения, асфальтоукладочные катки...» [3, с.64].

И не только кричащая реклама как знак настоящего удручает героев современной литературы. Например, ремарка пьесы «Дождь за стеной» Ю.Клавдиева утверждает: «Действие происходит в старом доме. Некоторые комнаты его еще вполне пригодны для жилья, там вполне тепло и нет трещин в стенах. Некоторые – полные развалины, с провалившимся потолком и обрушенным полом. На стенах некоторых комнат – географические карты, исписанные орфографически неверной похабщиной. Мусор путешествует из комнаты в комнату, самовоспроизводясь и множась в геометрической прогрессии. Иногда лампы в старых патронах вспыхивают со щелчком. Иногда гаснут. Иногда окна закрывает тень» [4]. Наша современность – время, как и недавно прошедшее, борьбы за свой дом, который так и не удастся построить. А потому так важны воспоминания: «Так было уютно в этом мире!.. Тут в центре комнаты стоял большой раздвижной стол, его раздвигали, украшали цветами, на столе было так много угощенья!.. Тут стоял шкаф с книгами, теперь от него только светлый отпечаток на обоях!» [5] В итоге прошлое оказывается более реальным, нежели сегодняшний день: «Я все до мелочей помню: дом, на первом этаже слева булочная, справа книжный, там пахнет типографскими красками, там в детстве я брала книжки...» [6].

Зачастую в настоящем уже нет дома детства, нет людей, в нем живших. Но дом, люди попали в МОЙМИР писателя и его героев, являющийся свя-

зующим звеном между прошлым и будущим, без чего немислим мир современного человека.

По свидетельству современных авторов, как бы порой ни хотелось убежать из настоящего, этого сделать невозможно, как невозможно забыть прошлое. Все прожитое остается с человеком, и без этого прожитого личности нет, как нет и города без его исторической памяти. Поэтому советские годы, несмотря на стремление изменить имена городов, улиц, парков, лишить нас прошлого, не стерли черты дореволюционных горо-

дов, а современность не может лишить нас воспоминаний о трагическом XX веке.

Улицам города вернули старые названия, кое-где демонтировали памятники, застроили старые площади, в городах появились «европейские кварталы», но все так же город, как кошка, тянется «вдоль реки, привалясь к ее боку», или стоит, окруженный горами. А прошлое и настоящее существуют в нем, создавая неповторимый облик нашего человека и времени.

1. Степанова, А.А. Город на границе: эстетические грани образа в литературе переходных эпох // Уральский филологический вестник. 2014. №4. С. 35.
2. Леванов, В. Отель «Калифорния»: <http://www.theatre-library.ru/authors/l/levanov>
3. Рубина, Д. Синдром Петрушки. М., ЭКСМО, 2010. С. 73.
4. Клавдиев, Ю. Дождь за стеной: <http://www.theatre-library.ru/authors/k/klavdiev>.
5. Коляда, Н. Большая советская энциклопедия: <http://kolyada.ur.ru/bse/>
6. Коляда, Н. Полонез Огинского: <http://kolyada.ur.ru/polonez/>

THE PAST AND THE PRESENT IN THE WORLD OF A PROVINCIAL IN DRAMA AND NOVEL IN THE LATE 20th – EARLY 21st CENTURIES

© 2017 L.G.Tiutelova

Larisa G. Tiutelova, Professor of Russian and Foreign literature and Public Relations. E-mail: largenn@mail.ru

Samara University. Samara, Russia

The end of the 20th century in Russia was the time to solve problems concerning the Soviet heritage. Frequently with its help a person of a turn of centuries strives to express his own volatile position in transitional historical processes. The world which had appeared quite firm, collapses, the world, from which many people tried openly or secretly to preserve distance to designate limits of their own individuality, and which turns out to be an integral part of a person. Becoming a hero of the national prose and drama at the turn of the century, a person of the new time is shown to a reader through an image, called by the modern playwright, N.Kolyada – MOIMIR. In the late 20th – early 21st century literature is mainly the world of the city, that has come a long evolution way: «... from the city as a landscape in the Renaissance, through the city as the world (life space, universum analogue) in the era of romanticism, to the city as text – Imaginatively converted space, the result of experiencing the city in the artistic consciousness of modernists". It becomes a true object of an intense, sometimes aesthetic experience", incorporates signs of a real city, opens its borders, testifies to the consciousness perceiving it and appropriating it, uniting several time plans. The past and the present – in the first place. *Conclusion.* According to modern authors, much as one would like to escape from the present, it is impossible as it is impossible to forget the past. All the experience stays with a person, and one cannot retain a personality without that experience as one cannot have a city without its historical memory. Therefore, the Soviet epoch despite the intention to change the names of the cities, streets, parks, to deprive us of remembering the past, did not erase the pre-revolutionary city features and modernity cannot deprive us of memories of the tragic 20th century.

Key words: the past and the present coexist, creating a unique image of people and time.

1. Stepanova, A.A. Gorod na granitse: esteticieskie grani obraza v literature perekhodnykh epokh (The city on border: esthetic facets of an image in literature of transitional eras). *Ural'skii filologicheskii vestnik*. 2014, no. 4. S. 35.
2. Levanov, V. Otel' «Kaliforniia» (Hotel California): <http://www.theatre-library.ru/authors/l/levanov>
3. Rubina, D. Sindrom Petrushki (Petrushka's Syndrome). M., EKSMO, 2010. S. 73.
4. Klavdiev, Iu. Dozhd' za stenoj (Rain behind a wall). <http://www.theatre-library.ru/authors/k/klavdiev>
5. Koliada, N. Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia (Big Soviet encyclopedia): <http://kolyada.ur.ru/bse/>
6. Koliada, N. Polonez Oginskogo (Oginsky's polonaise): <http://kolyada.ur.ru/polonez/>